

О. Г. УСЕНКО

Тверской госуниверситет

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА (1692–1708 гг.)

Исследований по истории «первоначального» кубанского казачества («окреан», «раскольщиков», «некрасовцев») чуть больше десятка, при этом ни одно из них не может претендовать на статус обобщающей работы¹. Анализ их содержания показывает, что львиная доля известных нам сведений относится к периоду после августа 1708 г., когда на Кубани осели мятежные донцы под предводительством И. Некрасова. Что же касается «донецкрасовского» периода жизни кубанских казаков, то известия о нём скудны и отрывочны, к тому же не уточнялись и не пополнялись уже целый век – с тех пор, как была издана работа П. П. Короленко.

Цель данной статьи² – обобщить уже известные факты и сообщить новые сведения о жизни кубанских казаков до конца 1708 г., извлечённые из архивных материалов, а также из опубликованных источников, оставшихся вне поле зрения исследователей, занимающихся данной темой.

Казачье сообщество появилось на Кубани примерно в 1692 г. Его образовали два отряда бывших донцов-«староверов»: первый, под предводительством Петра Мурзенко и Льва Маноцкого (Манацкого), численностью около 200 чел., пришёл с р. Аграхань, одного из притоков р. Сулак (Северный Кавказ), а второй (численность его неизвестна) – прямо с Дона³.

Первоначальное место пребывания кубанских казаков точно не известно. Мы знаем только, что к лету 1702 г. их резиденцией был татарский городок Ени-Копыл (современный Славянск-на-Кубани). В это время численность Кубанского войска составляла 120 человек (имеются в виду полноправные казаки-мужчины)⁴.

В 1703 или 1704 г. кубанские казаки были вынуждены переселиться из-под Ени-Копыла на Таманский полуостров, а именно в местность Хан-Тепе («Ханский холм»), расположенную в 4-х часах езды от крепости Темрюк. Там был основан ими городок, получивший название Хан-Тюбе⁵. Причиной переселения могло быть распространившееся в Крыму в 1702 г. «моровое поветрие», которое, возможно, затронуло и соседние земли⁶.

Существует мнение, что ещё до осени 1708 г. русские обитатели Кубани основали ещё и городок Савельев или Савельевцы (татарские варианты – Себеней, Себелей) – по имени Савелия Пахомова, тогдашнего атамана Кубанского казачьего войска, и что затем там поселились казаки из отряда И. Некрасова⁷.

[с. 63]

Это мнение выглядит спорным, ибо можно полагать, что возникновение городка с таким названием было реакцией «старых» кубанских казаков на появление «новых», наглядным отражением их стремления обособиться от «некрасовцев». Ведь логично предположить, что сразу не произошло слияние столь разнородных – и по социальному составу, и по вероисповеданию – казачьих партий.

В отряде И. Некрасова далеко не все были казаками в полном смысле этого слова – там было много «бурлаков» и «голытьбы», а также недавних крестьян и горожан. Вряд

ли можно говорить и о том, что в отряде преобладали «раскольники»⁸. Кроме того, вполне вероятно, что поначалу «старые» кубанские казаки опасались пришельцев, на стороне которых был значительный перевес: Некрасов привёл с собой около 2000 воинов с семьями, а вскоре его отряд пополнили ещё примерно 1000 семей, покинувших Дон⁹.

Итак, вернёмся к начальному моменту истории Первого Кубанского казачьего войска. Уже в июле 1692 г. оно заявило о себе участием в «басурманском» набеге на Дон. По сообщению жителей Козачьего городка на Северском Донце, «кончае июня в 31 числе перелезли через реку Дон с Ногайской на Крымскую сторону воинские люди калмыки, азовские татаровья и с ними расколщики многое число меж городков Решетова и Вешок, и били де под городок войною, и отбили у них конския и животинныя стада, и пошли де вверх по реке Дона, и кочуют меж речек Белой и Чёрной Калитвы. А чают де они, донские казаки, что де замысл их басурманской – имеют намерение войною приходить великих государей под украинные города по Новой черте в сенокос и в жатвяную пору...»¹⁰

В 1693 г. имел место новый поход: «собиралось де нагайских татар и черкес и азовцов и расколщиков донских казаков... тысячи с три и болши и пошли под Пензу и под Рамзай и под Мокшанск (и хотели де те города имат для того, что те расколщики), а хотели сказыватца расколщики донскими станишными казаками и имат вышеписанные города обманом (а пошли те воровские люди июня в 10 де[нь])»¹¹.

В 1694 г. 400 кубанских казаков, а также ногайцы и калмыки попытались разорить гг. Рыбный, Усерд и соседние поселения, но были разбиты, причём 32 «окреанина» попали в плен к донцам¹².

Концентрация российских войск под Азовом, связанная с попытками Петра I захватить эту крепость, не могла не препятствовать походам кубанских обитателей на Дон и «украинные» города. Видимо, поэтому кубанские казаки обратили свои взоры на Нижнее Поволжье. Но поскольку тамошние города были хорошо укреплены, «раскольщики» перешли к тактике мелких набегов.

В 1695 г. из Астрахани к Чёрному Яру был отправлен отряд стрельцов в погоню «за кубанскими татарами и за воровскими казаками». По всей видимости,

[с. 64]

отряд был небольшой, из чего можно заключить, что и «воровских людей» было не очень много. Очевидно, стрельцы были разбиты, поскольку 13 из них попали в плен¹³. В 1696 г. кубанские «раскольщики» в союзе с крымцами и ногайцами совершали грабежи на Волге и Каспии¹⁴.

После перехода Азова под власть России именно волжско-каспийское направление, по всей видимости, стало главным для кубанских казаков, частью жизни которых были «походы за зипунами».

Например, в 1699 г. они отправились к берегам Каспия близ р. Аграхань, где поживились грабежом купеческих кораблей. Слух об этом вызвал зависть у части донских казаков, уже начавших забывать о том, что такое «поход за зипунами»¹⁵.

В 1707 г. кубанские казаки, вслед за их соседями – татарами, поддержали «салтана» Мурата, сына каракалпакского хана Кучука, и весной 1708 г. совершили вместе с ним попытку овладеть российским форпостом на Северном Кавказе – городом Терки (на правом берегу р. Терека, в устье р. Сунжи); в случае удачи планировался поход на Астрахань и в мятежную Башкирию.

Как доносил царю астраханский воевода П. М. Апраксин в письме от 20 марта 1708 г., Мурат, «прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терка, называютца чеченцы, мичкисы, аксайцы. И те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятого их закона босурманского святым, учинился над ними владельцем. К нему ж пришли и кумыки и воры, прежние акраганские отсталые ис Кубани, казаки раскольщики. И собрався с теми народы и с терскими кочевными окочены и татары, тот вор салтан февраля 12 пришел к Терку ночью, и слободы, которые были за городом, и острог зажгли и разорение многое починили. И воевода терской Роман Вельяминов с ратными людьми, бився много, принуждены укрепитца в другом, верхнем городе, и те неприятели к городу приступали... И февраля ж в 26 день милостию божию и счастием твоим, государевым, тех неприятелей под Терком побили и того злодея, самого владетеля их, салтана, взяли ранена лёхкою раною, жива, и ныне в наших руках. И как того злодея взяли, тотчас неприятели от Терка отошли. Потом ещё тех же неприятелей немало к Терку пришли и городу в свободе чинят тесноту, однако ж... за помощь божию управлятися будем...»¹⁶

И всё-таки существовавшие в 1692–1708 гг. отношения между Кубанским казачьим войском и Российским государством, в том числе Великим войском Донским, нельзя сводить лишь к вражде и военным конфликтам.

Во-первых, на Кубань время от времени убегали донские жители – и казаки, и те, кто не обладал всей полнотой прав на Дону, числясь в «бурлаках» или «голытьбе». При этом побегии совершались не только по идейным (религиозным) мотивам, но и корыстным, а иногда – по тем и другим одновременно.

[с. 65]

К примеру, в отписке войскового атамана Фрола Минаева белгородскому воеводе Б. П. Шереметеву, полученной 28 сентября 1692 г., сообщалось, что «бежали от них всего Войска Донского воры и изменники и поругатели православные христианские веры донские их казаки – Федка, харьковской житель, да Митка, донской казак, – воровством, одинаки, оба в 25 лет, без бороды; да таких же изменников пошло с Дону в украинные и гетманского регименту в полтавские города, и, не доходя до Полтавы, в ближних местех из тех воров 2 человека, отогнав у них лошадей, пришли к ним, Войску Донскому, по-прежнему, а сказали, что шли они из Азова для пожогу городов и сёл; а явились в тех гетманских городех их, врагов, с ним, Федкою, русских 6 человек, да с ними ж 2 черкешенина горские»¹⁷.

Хотя в данном источнике не упоминается, что беглецы оказались на Кубани, можно полагать, что так оно и произошло, поскольку другого пути у них не было: земли по рр. Кума и Аграхань перестали быть надёжным убежищем для «изменников царю и вере». Именно поэтому «окреане», жившие там в 1688–1691 гг., и перешли на Кубань¹⁸. Об этом переходе, разумеется, знали их временные соседи – «горские черкесы», представители которых упомянуты и в процитированном источнике.

То, что уход на Кубань мог быть вообще не связан с религиозными мотивами, доказывает следующий пример. В апреле 1700 г. в Черкасске расследовалось дело местного казака А. Чеботаря, который публично высказывал желание уйти к «раскольщикам». Причиной этого намерения было безденежье и необходимость поправить материальное положение. Чеботарь говорил, что донцов «на добычу не пускают, ...на Москве станица задержана, а на Аракане де беглые казаки бусу (торговый корабль. – О. У.) разбили»¹⁹.

Интересно, что побеги совершались не только с Дона на Кубань, но и в обратном направлении.

Например, осенью 1699 г. за пределы Войска Донского бежали в лодке 3 «старожиловых» казака из Рыковской станицы Черкаска – Семён Иванов, Никита Сидоров Хохлач и Дмитрий Осипов Строинской. Все они были бессемейны и бездетны. Мотивы первых двух неизвестны, а вот Строинской объяснил свой побег на Кубань тем, что «одолжал и обеднял, а тех де долгов тем заимщиком платить стало нечим». Однако весной 1702 г. все трое отправились вместе с остальными кубанскими казаками ловить рыбу на Чёрное море и оттуда на лодке сбежали в Азов, прихватив двух русских невольников.

Наверное, жизнь среди «окреан» оказалась не такой уж сладкой, как вышеозначенная троица её некогда представляла. Кроме того, одной из причин возвращения на родину могло быть нежелание принять «старую веру»: по словам С. Иванова, местные казаки «чинили ему обиды и разоренье, что по их обыкновению веру не держал»²⁰.

[с. 66]

Во-вторых, говоря о Кубанском казачьем войске, надо отметить, что на Дону по-прежнему жили родственники, свойственники и друзья некоторых кубанских казаков, и, судя по всему, между теми и другими поддерживались связи.

Так, в письме К. Булавина на Кубань от 27 мая 1708 г. среди жителей Дона упоминается Антон Ерофеев, племянник атамана кубанских «раскольщиков» Савелия Пахомова, шурина последнего – Дмитрий Игнатъев, а также некий Андрей – тоже, вероятно, родственник С. Пахомова. При этом К. Булавин обращался не к одному лишь атаману Кубанского войска, но и к «Фёдору Васильевичю з Донца, Луганской станицы Мирону Никитичю, да брату ево Сидору Никитичю, да Луганской станицы Сидору Зиновьевичю, да брату ево Афонасью Зиновьевичю, да Трёхизбенской станицы Ивану Астафьевичю, Горбун прозвища, да Мятякинской станице Карпу Ерше Аристу».

Среди адресатов письма есть и личные знакомые Булавина. Вот что он пишет: «...А впредь уповаю на милость всещедраго бога своего и прочим моим приятелем Севастьяну Васильевичю, Мартину Раздорскому, и Евметьевым детям, и Панфиловым детям, Максиму Кривому з детьми Кабылинской станицы. И чтоб тебе, Максим, прислать ко мне которого-нибудь сына своего. И всем приятелем, с которыми мы зиму зимовали и нужду терпели, и в отчиных челобитье и поклон до земли...»²¹

Благодаря поддержанию родственных и дружеских связей с донцами обитатели Кубани могли получать информацию о том, что происходит по ту сторону российской границы, а жители Дона, в свою очередь, – информацию о планах «басурман» (кочевников-мусульман). Родство с «окреанами» могло оказаться полезным и для донцов, попавших в плен к татарам.

Например, весной 1699 г. на р. Куныре ногайские татары пленили 7 донских казаков, однако через полтора месяца были вынуждены опустить их на свободу. Дело было в том, что у двух пленных были свойственники среди кубанских казаков, «и те де казаки по свойству били челом о свободе их Шагиму салтану, и Шагим де салтан, собрав их всех, велел жить в городке Копыле и служить с такими ж казаками вместе»²².

В-третьих, можно полагать, что кубанские казаки, хотя бы иногда, выполняли роль посредников при освобождении за выкуп русских людей, взятых в плен кочевниками на Волге или близ «украинных» городов, или же при обмене этих пленников на «басурман», живущих в неволе на Дону или в «государевых» крепостях.

Так, астраханского стрельца Василия Переносова, пленённого в 1701 г. «кумыцкими татарами» (их владения лежали к югу от низовьев Терека по р. Куме), сначала «отвезли в кумыки, а ис кумык хозяин ево Уразай привёз на Кубань и отдал ево на выкуп городка Копыла казаку Емельяну Иванову за тридцать за пять рублёв»²³.

[с. 67]

В-четвёртых, кубанские казаки тайно вывозили с Дона нужных им людей, прежде всего «расколоучителей». Так, в начале августа 1702 г. «городка Капыла атаман Савелей Похомов и все казаки с общего совету послали от себя через Крым на Северской Донец восьм человек казаков к расколщику Авилу для взятья ево к себе в городок, и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжей лист»²⁴.

Указанный Авилка был на Дону известной личностью, особенным уважением он пользовался у верховских казаков. Стремление кубанцев увезти его к себе, помимо этого, может объясняться и тем, что в 1701 г. им заинтересовались официальные власти, так как его имя всплыло в связи доносом беглого стрельца Фёдора Аристовна на казака Тишанского городка Лёвку Сметанина.

Весной 1700 г. Л. Сметанин рассказывал казакам следующую новость: «Государь де царь Иоанн Алексеевич жив и живёт во Иерусалиме, а сшол де он во Иерусалим для того, что бояре воруют». Ф. Аристов доносил, что «ему де, Лёвке, про него, государя, что он, государь, жив, сказывал неведома какова чину человек Авилка, а пришол де тот Авилка из Еросалима, и на Дону того Авилку донские казаки почитают за святого, потому что де тот Авилка им, казакам, кто из них придёт к нему о чём справитца, пророчествует. И в первой де Азовской поход тот Авилка им, казакам, сказывал, что Азова они не возьмут, а в другой поход он же им сказал, что Азов они возьмут. Да тот же Авилка держитца расколу, к русским попам, которые приезжают на Дон из русских городов, к благословию не ходит». На допросе Л. Сметанин сказал, что «пришлой человек Авилка... живёт на реке Калитве Белой, которая впала в Донец»²⁵.

Теперь пора остановиться на внутренней жизни кубанского казачества в конце XVII – начале XVIII вв. Нормы управления и общежития, по всей видимости, были те же, что и на Дону. Все казаки жили отдельными куренями. Такой порядок проживания, видимо, был обязательным для полноправных членов Кубанского войска, поскольку пришельцам, принятым в казаки, приходилось покупать себе отдельный курень²⁶.

Возглавлял Кубанское войско атаман. В 1702–1708 гг., как уже упоминалось, им был С. Пахомов. Однако остаётся лишь предполагать, когда именно он стал предводителем «окреан». Это могло произойти как в 1692 г. (если он возглавлял партию «раскольщиков», ушедшую на Кубань прямо с Дона), так и в 1695 г., когда погиб Л. Маноцкий – главарь бывших насельников Аграхани²⁷.

Главным занятием кубанских казаков было рыболовство, и прежде всего – на Чёрном и Азовском морях.

Пока «раскольщики» жили в Копыле, они ездили рыбачить на Чёрное море. Ежегодно весной и осенью туда отправлялись «ватаги», причём

[с. 68]

приехавшие осенью могли остаться у моря на зимовку и вернуться в Копыл только весной. Большая часть улова, скорее всего, распродалась – либо тут же, на берегу,

приехавшим специально для этого турецким и татарским купцам, либо в близлежащих турецких городах (Темрюке, Тамани, Ачуеве). Членами «ватаги» были полноправные граждане («казаки»), но в качестве помощников могли привлекаться и русские невольники²⁸.

Судя по всему, рабовладение у кубанских казаков было нормой. Для продажи «ясыря» к ним ехали отовсюду – и кубанские татары, и ногайские и кумыцкие. «Окреане» покупали у них русских пленных как для получения за них выкупа, так и для использования их труда. К примеру, сбежавший в Азов летом 1702 г. Иван Алексеев 4 года провёл в рабской зависимости у кубанского казака Федота Иванова сына Боярченка.

Но «окреане» и продавали рабов – тем же кочевникам (например, ногайцам), армянским купцам, а может быть, и туркам. Возможно также, что одним из способов получения дохода наиболее уважаемыми и зажиточными казаками было то самое посредничество в получении «окупа» за русских невольников, о котором уже говорилось, – ведь посредник мог требовать с родственников пленника сумму, несколько большую той, что желал получить рабовладелец²⁹.

Анализ политического статуса Кубанского казачьего войска в конце XVII – начале XVIII вв. показывает, что оно изначально не было автономным, «вольным», каковым, например, являлось до Петра I Войско Донское. В своих внутренних делах Кубанское войско, скорее всего, имело автономию, однако официально подчинялось турецкому султану в лице его вассала – крымского хана.

Прямая зависимость кубанских казаков от правителя Крыма проявлялась в том, что они обязаны были брать у него «проезжие листы» для проезда по землям южнее границы Войска Донского³⁰.

Непосредственными же начальниками над Кубанским казачьим войском были турецкий паша в крепости Ачуев и мурза кочующих на Кубани татар.

К. Булавин в уже цитированном письме кубанским казакам от 27 мая 1708 г. первым делом сообщал следующее: «...Ведома вам чиним, что послали мы Войском на Кубань и Ачуев к Хасану паше и Скортлану мурзе свои войсковыя письма об мировом между вами и нами и крепком состоянии, как жили и наперёд сего старыя козаки».

Атаману Кубанского войска предлагалось выслать в Черкасск делегацию, но предварительно «против сего письма, согласясь с ачуевским Хасаном пашёю и с кубанским владельцем Сартланом и с ыными большими мурзами, учинить между собою совет, и сие письмо им, Хасану паше и Сартлану мурзе, со всеми мурзами при них прочесть и всякие слова растолмачить...» Булавин советовал С. Пахомову оригинал письма отослать «к своему салтану в Царьград», а копию оставить «у себя в Ачуеве». Кроме того, приезд кубанских

[с. 69]

казаков на Дон ожидался лишь вместе с татарами, которые «посланы будут из Ачуева от Хасана паши и от Сартлана мурзы с письмами»³¹.

В наибольшей степени Кубанское казачье войско зависело, конечно, от местного татарского мурзы. Во-первых, казаки должны были ходить на войну под его началом. Во-вторых, именно он давал разрешение жить в Копыле тем, кто желал стать членом Кубанского войска. Правда, прошение об этом подавалось не ему лично, а его представителям, обитающим в городке рядом с казаками.

Например, уже упоминавшаяся тройца донских казаков, покинувших Черкасск осенью 1699 г., вела себя так: «И приехав де на Кубань в городок Капыл, и в том де

городке сказались кубанским татаром, что они приехали к ним жить и служить с такими ж казаками вместе. И татары де им в том городке жить велели»³².

В то же время статус «первоначального» Кубанского казачьего войска определил уникальность его истории, являющей нам пример мирной жизни бок о бок вооружённых представителей вроде бы «враждебных» вероисповеданий.

---

¹ См.: Б-в Н. История о некрасовцах // Северная пчела. 1828. № 105, 106; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; Дмитренко И. К истории некрасовцев на Кубани // Изв. Об-ва любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1899. Вып. 1; Короленко П. П. Некрасовские казаки: исторический очерк, составленный по печатным и архивным материалам. Екатеринодар, 1899; Тумилевич Ф. В. Казаки-некрасовцы // Дон. 1958. № 8; Он же. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1958. С. 4–16; Шамаро А. Казаки вернулись в Россию // Наука и религия. 1964. № 8; Волкова Н. Г., Заседателева Л. Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник Моск. ун-та: Сер. 8: История. 1986. № 4; Смирнов И. В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8; Сень Д. В. Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 г. – конец 1920-х гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999; Он же. Топонимия городков кубанских казаков на территории Крымского ханства в конце XVII в. – 1770-х гг. // Вопросы лексикологии и лексикографии языков народов Северного Кавказа, русского и западноевропейских языков (тезисы общероссийской конференции). Пятигорск, 1999; Он же. К вопросу о хронологии и географии городков казаков-некрасовцев на территории Крымского ханства в XVIII в. // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе: Мат-лы шестой Межд. науч.-практ. конф., посв. 35-летию науч.-педагог. школы В. Б. Виноградова. Славянск-на-Кубани, 1999. Ч. 2.

² Статья представляет собой переработанный доклад, сделанный на Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины: Усенко О. Г. О начальной (донекрасовской) истории кубанских казаков // Творческое наследие Ф. А. Щербины и современность. Краснодар, 1999. С. 67–70.

³ Короленко П. П. Указ. соч. С. 10, 12–13.

⁴ РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 7 (см. приложение). Исходя из этих данных, следует признать невероятным известие, что в июне 1708 г. «к Булавину де пришло... их донских раскольщиков с Кубану и с Орокани 1100 человек». – См.: Булавиноское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 275 (№ 92);

[с. 70]

Подъяпольская Е. П. Восстание Булавина. М., 1962. С. 106.

⁵ Сень Д. В. Топонимия городков... С. 105; Он же. К вопросу о хронологии... С. 20.

⁶ РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 14–14 об. (см. приложение).

⁷ Сень Д. В. Топонимия городков... С. 104–105.

⁸ См.: Подъяпольская Е. П. Указ. соч. С. 102, 104, 106–107, 153, 180–186; Лебедев В. И. Булавиноское восстание (1707–1708). М., 1967. С. 88–91, 96; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов-н/Д., 1983. С. 274–277.

⁹ Подъяпольская Е. П. Указ. соч. С. 186; Смирнов И. В. Указ. соч. С. 97; Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 г. Краснодар, 1996. С. 148.

-
- ¹⁰ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1888. Вып. 13. С. 1334 (№ 575). П. П. Короленко об этом набеге не упоминает, как и о двух других – в 1693 и 1695 гг.
- ¹¹ Труды Саратовской Учёной Архивной Комиссии. Саратов, 1912. Вып. 29. С. 81.
- ¹² См.: Короленко П. П. Указ. соч. С. 14.
- ¹³ РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 15 (см. приложение).
- ¹⁴ Короленко П. П. Указ. соч. С. 14.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 19. Л. 5–6, 15–17, 40.
- ¹⁶ Булавинское восстание... С. 413–414 (№ 207). См. также: Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1. С. 45, 232–233 (№ 97), 238–243 (№ 104); Лебедев В. И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 61.
- ¹⁷ Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. С. 1358 (№ 597).
- ¹⁸ См.: Короленко П. П. Указ. соч. С. 6–12.
- ¹⁹ См. примеч. 14, а также: Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 44.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 6 об. – 10 (см. приложение).
- ²¹ Булавинское восстание... С. 463–464. См. также: Подьяпольская Е. П. Указ. соч. С. 105.
- ²² Сведения почерпнуты из показаний Семёна Иванова, который утверждал, что и он был пленён вместе с этими 7 казаками. Однако на самом деле он сбежал на Кубань позже и добровольно, а лгал, видно, потому, что опасался наказания за измену. В то же время он перечислил имена пленённых казаков, значит описанный им случай действительно имел место, а Семён просто включил его в свою биографию. (РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 6–6 об.; см. приложение)
- ²³ Там же. Л. 3–3 об. (см. приложение).
- ²⁴ Там же. Л. 8–8 об. (см. приложение).
- ²⁵ Там же. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 291. Л. 11, 38–40.
- ²⁶ Там же. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 6 об., 9, 10 (см. приложение).
- ²⁷ См.: Короленко П. П. Указ. соч. С. 14–15.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 4, 7–7 об. (см. приложение).
- ²⁹ Там же. Л. 3 об., 5 об., 6 об., 15 (см. приложение).
- ³⁰ См. примеч. 23.
- ³¹ Булавинское восстание... С. 461, 464–465 (№ 246).
- ³² РГАДА. Ф. 158. 1702 г. Ед. хр. 142. Л. 9, 10 (см. приложение).